

затаянная переделка положения о попечительствах (с. 221–247). В целом же «приходская реформа» Победоносцева «носила двойственный и противоречивый характер» (с. 213).

К концу XIX в. уже ни у кого не оставалось сомнений в необходимости преобразования православного прихода. После 1905 г. казалось, что разработка приходского устава позволит устранить накопившиеся противоречия. Однако скрупулёзное, чуть ли не постатейное изложение Бегловым проектов Предсоборного присутствия, И.С. Бердникова²⁴, Особого совещания при Синоде, депутатов Государственной думы и проч., а также подробный рассказ об их последующем редактировании, рассмотрении, обсуждении и критике в различных инстанциях свидетельствуют о том, что задача была практически неразрешима. «История приходской реформы в межреволюционный период — ещё один пример кризиса имперской государственной машины», — заключает исследователь, детально проследив динамику и неожиданные трансформации так и не удавшегося дела (с. 812).

Лишь после Февральской революции 1917 г. «прихожане явочным порядком реализовали ту реформу, о которой так долго говорили энтузиасты приходского вопроса» (с. 875). «Приходская революция», будучи частью «революции церковной», по сути, обернулась бунтом прихожан «против неугодных священников, против старой системы епархиального и приходского управления» (с. 814). В этих условиях Поместному собору 1917–1918 гг. предстояло провести реорганизацию прихода²⁵. Но, как констатирует исследователь, «даже беглый взгляд на принятый Собором приходской устав обнаруживает его определённую консервативность в сравнении с предшествовавшими проектами». Между тем составленное архиепископом Серафимом (Чичаговым), П.И. Астровым, епископом Андроником (Никольским) и Л.К. Артамоновым «Введение» к уставу стало, по словам А.Л. Беглова, «самым важным результатом деятельности Собора в приходском вопросе», поскольку в нём «богословие давало жизненный ответ на вызов времени, показывая, что участие в повседневной приходской жизни, даже в её самых обыденных проявлениях, может вести члена Церкви к его вечному спасению» (с. 860).

Фёдор Гайда: Приходские преобразования и революция, или Реформирование нереформируемого

Fyodor Gayda (Lomonosov Moscow State University, Russia;

St. Tikhon Orthodox University, Moscow, Russia):

Parish transformations and revolution, or Reformation of the Unreformable

DOI: 10.31857/S2949124X24040089, EDN: FFJCHG

А.Л. Беглов представил масштабную картину развития русского православного прихода и его кризиса, начавшегося ещё при создании синодальной си-

²⁴ О его «сепаратном проекте» см. также: Михайлов А.Ю. «Канонист с горением Илиным...»: жизненный и творческий путь профессора Ильи Степановича Бердникова (1839–1915). Казань, 2021. С. 189–198.

²⁵ Протоколы заседаний Отдела о благоустройении прихода, итоговый доклад, «Инструкцию членам причта» и другие материалы см.: Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 14 / Отв. ред. А.Л. Беглов. М., 2017.

стемы и окончательно оформившегося после реформы 1808 г., означавшей его «закрепощение» (с. 81). Причём произошло это в тот момент, когда в верхах уже обсуждали проекты отмены крепостной зависимости. Готовил данное преобразование М.М. Сперанский²⁶, выходец из духовного сословия, имевший репутацию либерала и никогда не пренебрегавший церковной и религиозной проблематикой²⁷. Соппротивление же реформе оказывали в первую очередь помещики (с. 84). Поэтому нельзя не задуматься, сопровождалась ли она «закрепощением» в точном смысле этого слова, или же данное выражение употребляется автором скорее как метафора? Сам Беглов вслед за синодальным чиновником и публицистом конца XIX в. И.К. Зинченко поясняет, что речь шла о подчинении прихода «государственным интересам», которое сформировало «условия для долговременного кризиса прихода» (с. 99–101). Таким образом, по сути, происходило встраивание православной Церкви в структуры «регулярного государства». Однако со второй половины XIX в. в России наблюдался постоянно нараставший процесс социальной демократизации, затронувший в начале XX в. практически все сферы, кроме церковно-приходской, всегда демонстрировавшей удивительную, но весьма характерную для неё инертность. Возможно, православный приход вообще плохо поддаётся преобразованию, поскольку люди, связанные с ним, думают о реформах в самую последнюю очередь.

Но, как бы то ни было, в начале XX в. революционные настроения охватывали все части российского общества. Крестьянская община неожиданно для многих из консервативного института превратилась в зачинщика аграрных беспорядков. После «второй пугачёвщины» 1902 г. это стало очевидно уже всем. Миряне (в том числе те же крестьяне) не скрывали своей враждебности к духовенству (с. 371). При этом «приходская революция» в 1905–1907 гг. лишь усиливала ужас священнослужителей перед возможной реформой (с. 349) и делала её проведение в будущем максимально затруднительным. Ведь если в деревне можно было приступить к разрушению общинных порядков, что и делал П.А. Столыпин, то с приходами подобное обращение исключалось.

Как отмечает Беглов, архиереи возражали против непродуманных и неподготовленных экспериментов (с. 430), Синод выступил 18 ноября 1905 г. с компромиссным, по сути, определением, а рупор церковных реформаторов газета «Свет» резко его критиковала. На пике революционных событий 1905 г. общественные деятели не собирались идти ни на какие уступки (с. 370, 375–376).

Тем временем подготовка приходской реформы официально началась. Рассказывая про её обсуждение, Беглов вслед за членом Предсоборного присутствия адвокатом Н.Д. Кузнецовым различает сторонников «церковно-общественного» (славянофильского) и «институтного» (иерархического) подхода, отчасти напоминавшего католический, импонировавшего «сино-

²⁶ Корф М.А. Жизнь графа Сперанского. М., 2014. С. 196.

²⁷ О религиозных взглядах М.М. Сперанского подробнее см.: Письма о духовной жизни епископа Феофана. СПб., 1872; Катетов И. Михаил Михайлович Сперанский как религиозный мыслитель. Казань, 1889; Ельчанинов А.В. Мистицизм М.М. Сперанского // Богословский вестник. 1906. № 1. С. 90–123; № 2. С. 207–245 (2-я пагинация); Кондаков Ю.Е. Либеральное и консервативное направления в религиозных движениях в России первой четверти XIX в. СПб., 2005. С. 16–29; Парсамов В.С. Религиозные взгляды М.М. Сперанского и его реформы в начале 1810-х гг. // Российская история. 2023. № 4. С. 84–92; Гайда Ф.А. «Не упасть под бременем зол, человека дающих»: молодой М.М. Сперанский в его дневниках, письмах и проповедях (1786–1800) // Философические письма. Русско-европейский диалог. Т. 7. 2024. № 3. С. 203–216.

дальной бюрократии». Впрочем, большинство Предсоборного присутствия склонялось к компромиссу, при котором приходу предоставлялось бы необходимое самоуправление, но осуществлять его следовало под контролем архиерея (с. 487, 543–546). Собственно, и автор монографии видит в сочетании общественного и иерархического принципов оптимальное решение проблемы (с. 883).

Однако с 1907 г. дискуссия приобрела политический оттенок (с. 580), связанный со взаимоотношениями правительства и Государственной думы. Близкий к её октябристским лидерам Столыпин, а также лояльные ему министр юстиции И.Г. Щегловитов и министр народного просвещения А.Н. Шварц поддерживали славянофильский вариант, тогда как обер-прокурор Святейшего Синода П.П. Извольский и сменивший его на этом посту в 1909 г. С.М. Лукьянов отстаивали, скорее, взгляды священноначалия. Поставив в мае 1911 г. во главе духовного ведомства В.К. Саблера, премьер надеялся найти в нём сторонника, способного договориться с иерархами. Но в сентябре того же года Столыпин погиб, и Саблер повёл собственную политику (с. 620–628), вернувшись к тому, что архиереи предлагали ещё в 1890-е гг. (с. 221–247), но заведомо не приняли бы крестьяне 1910-х гг. (с. 747). Дума же теперь разрабатывала свои проекты без оглядки на Синод и его обер-прокурора (с. 702–704). Принципиальные разногласия касались прежде всего выборности духовенства и принадлежности приходского имущества²⁸.

В 1916 г. петроградский митрополит Питирим (Окнов) неожиданно пошёл на соглашение с депутатами (с. 808–809). При этом владыка действовал в полном соответствии с политикой тогдашнего председателя Совета министров Б.В. Штюрмера и ближайшего окружения царя, попытавшихся в первой половине 1916 г. наладить отношения с либеральной общественностью²⁹. Однако обер-прокуроры А.Н. Волжин, а затем и Н.П. Раев по-прежнему солидаризировались с большинством Синода и не отказались от курса Саблера (с. 770–775). В свою очередь, в общественных кругах столичного предстоятеля разоблачили как «распутинца» (с. 800).

Подводя итоги, Беглов указывает четыре причины неудачи приходской реформы: «ведомственная конкуренция», «нарастающая политизация», «отсутствие общественного консенсуса» и «единой воли», способной настоять на её проведении (с. 879–882). Из них, пожалуй, именно чрезмерная политизация имела решающее значение, блокируя любые конструктивные компромиссы. Но она же и привлекала внимание к спорам о так и не состоявшемся преобразовании, выводя их из тени, в которой полемика тянулась долгое время. Вероятно, всё же реформа как таковая не являлась панацеей, а её успех зависел от процессов, происходивших внутри самих приходов.

В 1917 г. «церковная революция» безусловно укрепила позиции прихожан. Поместный собор 1917–1918 гг. готовил «церковный термидор», но осуществить его помешала советская власть. При этом достаточно быстро православный приход стал основной опорой «тихоновской Церкви». Обновленцы, опиравшиеся на поддержку новой власти, ничего поделать с ним не смогли.

²⁸ Гайда Ф.А. Совет министров о проблемах Православной Российской Церкви (1906–1914) // Вестник ПСТГУ. Сер. II. История. История Русской Православной Церкви. 2014. Вып. 57(2). С. 33–35.

²⁹ Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти. 1914 – весна 1917 г. М., 2003. С. 182–183, 186, 219–220.

В результате с 1929 г. начался разгром приходской организации. Однако в конце XX в. приходы, возрождаясь, в чём-то вновь обрели черты раннесоветского времени (с. 875–877), а затем всё больше становились похожи на допетровские. В заключении автор размышляет о том, смогут ли они влиять на жизнь современного общества? (с. 883–884). Но какие ещё легальные низовые объединения граждан существуют сейчас в России, кроме религиозных? Какие ещё общественные организации обладают такой широкой сетью?

Грегори Фриз: На пути к глобальной микроистории православного прихода

Gregory Freeze (Brandeis University, Waltham, USA): On the way to the global microhistory of the Orthodox parish

DOI: 10.31857/S2949124X24040096, EDN: FFIZBS

Монументальная работа А.Л. Беглова, посвящённая положению приходов в императорской России, представляет собой вершину постсоветской историографии, анализирующей судьбы Русской Православной Церкви. Она состоит из четырёх глав, в которых характеризуется развитие приходской жизни до середины XIX в., в условиях реформ 1860-х гг., пореформенных лет и революций начала XX в. Особое внимание при этом уделено дискуссиям об организации приходов, предшествовавшим Поместному собору 1917–1918 гг. и продолжавшимся на его заседаниях. В качестве приложения приведены подробные статистические таблицы (с. 887–974). Автор использовал многочисленные публикации источников, большой корпус материалов, хранящихся в центральных архивах (с. 1017–1023), и солидное количество научных трудов (включая 17 российских диссертаций). В итоге ему удалось показать, как власти (церковные и государственные) и общественность воспринимали «приходской вопрос» и как они стремились обустроить эту базовую ячейку православной Церкви. Монография Беглова безусловно вносит большой вклад в освещение данной тематики, но что дальше?

В настоящее время, пожалуй, следовало бы отойти от «национальной макроистории» (изучение дискурса и законодательства) и перейти, применяя микроисторический подход, к исследованию самих приходов, и прежде всего деятельности и самосознания их клириков и прихожан. Как подметил известный теоретик микроистории, «Бог в деталях»³⁰. Иными словами, пора уже писать не только про поместную «Церковь» во всей её полноте, но и про «церковь» как конкретную общину верующих. С 1990-х гг. такая работа кое-где началась: защищены десятки диссертаций, которые основаны на местных архивных фондах и посвящены той или иной епархии³¹, её духовен-

³⁰ Суарто И. Бог в деталях. Четыре аргумента в защиту микроистории // Казус. Вып. 12. М., 2017. С. 301–307. См. также: Magnússon S.G., Szijártó I.M. What Is Microhistory? Theory and Practice. L., 2013.

³¹ Цысь В.В., Солодкин Я.Г., Цысь О.П., Спичак А.В. Русская православная церковь на севере Западной Сибири в конце XVI – начале XX в.: институциональное влияние на политические, социальные, экономические и этнокультурные процессы (формы, факторы, специфика, историческая роль). Нижневартовск; Новосибирск, 2020; Дулов А.В., Санников А.П. Православная церковь в Восточной Сибири в XVII – начале XX веков. Иркутск, 2006; Устьянцева О.Н. Томская епархия в конце XIX – начале XX века. Дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2003.